

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

№ 50

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 50

ЧТЕНІЕ

протоіерея Іоанна Наумовича, произнесенное 17-го октября сего года въ общемъ собраніи Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества.

Въ исторіи человѣчества встрѣчаются рѣдкія событія, которыя поражаютъ и своимъ могучимъ вліаніемъ на судьбу народовъ, и еще болѣе обнаруживающеюся въ нихъ сверхъ-естественною силой. Русская исторія отмѣтитъ на своихъ скрижаляхъ такое событіе по случаю совершившагося въ Боркахъ великаго чуда милости Божіей.

Русскій народъ сознаетъ, что его міровое призваніе еще не выполнено, что главная его задача далеко еще впереди. И если вѣсть о чудесномъ спасеніи русскаго Вѣнценосца и Его Августѣйшей Семьи произвела потрясающее впечатлѣніе во всѣхъ странахъ земнаго шара, тѣмъ глубже она тронула сердца всѣхъ вѣрныхъ сыновъ великой Россіи, которые увидѣли, что избранный ими путь къ выполненію міроваго призванія русскаго народа охраняется Промысломъ Божиимъ.

Мы помнимъ, какъ въ тотъ незабвенный день, когда телеграфъ принесъ ужасную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радостную вѣсть съ мѣста крушенія Царскаго поѣзда, наши храмы были переполнены молящимися, словно дѣтми радующимся и благодарящими Бога за спасеніе родныхъ Отца и Матери отъ разверзшейся бездны смерти; мы помнимъ, какъ тогда чувства страха и радости не находили довольно мѣста въ русскихъ сердцахъ, а искали

исхода въ слезахъ и жертвахъ; мы помнимъ, какъ въ день тотъ разные скептики и пессимисты, отвыкшіе отъ молитвы, стояли на колѣнахъ вмѣстѣ съ вѣрующими передъ престоломъ Всевышняго!

Цѣлый міръ убѣдился, что на русскомъ знамени не напрасно красуются слова: „съ нами Богъ!“

Русь ликовала, враги ея онѣмѣли отъ страха!

Радость по поводу чудеснаго событія распространилась далеко и за политическія границы Россіи. И на этнографическихъ ея окраинахъ, въ Карпатахъ и за ними, былъ хотя не громкій, но задушевный восторгъ; онъ охватилъ сердца и всѣхъ вѣрныхъ чадъ осталнаго славянскаго племени отъ Черной Горы и устьевъ Дуная до златной Праги. Всѣ славяне, за исключеніемъ одной семьи, къ сожалѣнію, упорствующей до сихъ поръ въ незнаніи своего національнаго призванія, поняли громадное значеніе чудеснаго событія въ настоящее важное время и ободрились духомъ. У нихъ, прижимаемыхъ, по выраженію дипломата Бейста, постоянно и систематически къ разнымъ стѣнамъ: нѣмецкой, мадьярской, итальянской и даже румынской, тѣмъ не менѣе усиливается съ каждымъ днемъ сознаніе славянскаго единства, возможнаго только подъ могучимъ покровомъ Россіи съ ея самодер-

жавнымъ Вождемъ во главѣ. У нихъ свѣжи въ памяти и Севастополь, и Плевна, и Шипка, и потоки крови, пролитой русскими героями за свободу, за братство и честь славянства; у нихъ на глазахъ страшное бѣдствие, голодъ, постигшій въ прошломъ году Черногорію и Червонную Русь, и братская помощь добросердечныхъ русскихъ деньгами и хлѣбомъ. Они знаютъ и чувствуютъ, какъ необходима связь каждой вѣтви славянства съ могучей, братолюбивой Россіей, и считаютъ ея горе и печаль своимъ горемъ и своей печалью, ея радость и славу своей радостью и славой. Неудача подъ Плевной выжимала слезы у червоннороссовъ, а взятіе Плевны наполнило ихъ храмы толпами искренне благодарящихъ Бога за дарованную русскому Царю побѣду надъ невѣрными. И неудивительно. Червонная Русь и всѣ славяне знаютъ, что не будь самодержавной могущественной Россіи, защитницы угнетенныхъ и къ стѣнѣ прижимаемыхъ, нѣкоторыя вѣтви славянства постигла бы судьба исчезнувшихъ съ лица земли поморскихъ и полабскихъ славянъ. Не боясь Россіи, вокругъ которой соединяется и крѣпнеть славянская стихія, враги покончили бы вскорѣ съ слабыми и разьединенными, какъ это дѣлаетъ съ отрекшимися Россіи и славянства поляками Пруссія, которая подъ девизомъ *Gewalt vor Recht*—сила предъ правомъ—уничтожаетъ въ своей части Польши, на польской же землѣ, польскій элементъ, какъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Празднуя сегодня годовщину чудеснаго спасенія Русскаго Государя и Его Августѣйшей Семьи, и мы не можемъ не порадоваться тому, что въ настоящее время происходитъ въ славянскомъ мѣрѣ. Какъ видно, чаша терпѣнія заграничныхъ славянъ переполняется и пагубный „споръ славянъ между собою“, столь выгодный для ненасытныхъ враговъ, уступаетъ мѣсто спасительнымъ началамъ, на которыхъ строится великолѣпный храмъ славянскаго духовнаго единенія. Начала эти: живая и дорогая всѣмъ память Первоучителей, общеславянскій литературный

языкъ при неприкосновенности народныхъ литературъ отдѣльныхъ племенъ, и

Дню вчерашнему забвенью,
Дню грядущему привѣтъ!

Эти начала не только разрабатываются въ теории, онѣ обнаруживаются уже и въ жизни. Не только образованные люди у чеховъ, словѣнцевъ, хорватовъ, но и народныя массы, почувствовавъ себя членами великой славянской семьи, пожелаели имѣть отнятое у нихъ Кирилло-Меодіевское славянское богослуженіе, такъ что папа и австрійскія власти едва успѣли придавить на время, и то насильственнымъ образомъ, это столь естественное движеніе. Но едвали насиліе успѣетъ придавить естественный законъ, по которому каждый народъ долженъ хвалить Бога на своемъ, а не на совершенно чужомъ языкѣ. Напрасно воюютъ враги славянства и противъ принятія всеми славянами русскаго языка вмѣсто нѣмецкаго для взаимнаго общенія и укрѣпленія культурныхъ связей. Это неизбежно при успѣвающимъ развитіи всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей славянства, такъ какъ имѣется готовый, высокообразованный русскій книжный языкъ и богатая его литература, безъ знанія которыхъ въ настоящее время славянинъ не можетъ считаться образованнымъ—и безъ котораго уже и теперь немислимо славянское единеніе и братство.

Въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда-либо, обращены взоры всего славянства на Россію, этотъ будущій очагъ духовной жизни всѣхъ славянскихъ племенъ. Вотъ почему такое смятеніе въ рядахъ враговъ. И близится скорымъ шагомъ время, которое предвидѣлъ нашъ поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, восклицая:

О братья! Прочь съ отей покровы!
Ужъ міра новаго мерцанье
Блещитъ на насъ... Въ средѣ враговъ
Уже тоска и колебанье...
Господь сказалъ: „приду, какъ тать“...
Нежданно грянетъ зовъ громовый...
Сомнѣмся-ль дружно, чтобъ сказать,
Когда онъ кликнетъ: „мы готовы!“

Среди враговъ тоска и колебанье! Они предвидятъ, что пробужденное славянство,

возвращающееся къ своимъ завѣтнымъ національнымъ началамъ, не стерпитъ надъ собою чужаго гнета, славянская земля перестанетъ быть для нихъ поприщемъ церковнаго національнаго прозелитизма и матеріальной наживы. Вотъ почему не перестаютъ раздаваться отчаянные голоса лжи и лицемерія противъ мнимыхъ посягательствъ „варварской“ Россіи, которая будто бы готовится стереть съ лица земли всѣ плоды западной цивилизаціи! Вотъ почему отдѣльныя славянскія племена систематически подстрекаются къ братоубійственной борьбѣ для мнимой защиты племенной индивидуальности, которой будто бы угрожаетъ опасность угонуть безслѣдно въ всепоглощающемъ русскомъ морѣ. Вотъ почему вѣрный союзникъ всѣхъ притѣснителей славянства, римскій католицизмъ, продолжаетъ съ удвоеннымъ усердіемъ свою извѣстную антиславянскую, разрушительную, подпольную работу!

Слѣдя за ходомъ современныхъ событій въ славянскомъ мірѣ, мы поневолѣ переносимся духомъ въ тѣ отдаленныя времена, когда западно-славянскій міръ, только что начавшій крѣпнуть и мужаться подъ благотворнымъ вліяніемъ православнаго христіанства, палъ въ изнеможеніи подъ напоромъ тѣхъ же самыхъ стихій: римской пропаганды, германскаго нашествія и маккиавелистически поддерживаемыхъ братоубійственныхъ раздоровъ. Какъ теперь, такъ и тогда православная церковь и обще-славянскій языкъ представляли самую надежную славянскую крѣпость, на которую были направлены первыя стрѣлы завоевателей.

Результаты новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій доказываютъ неоспоримо, что, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ нѣмецкаго духовенства подвергнуть Моравію и Польшу власти римской церкви, цѣлый славянскій міръ принялъ Христову вѣру по восточному православному обряду. Выходящій изъ Цареграда, тогдашняго центра всемірной торговли и культуры, свѣтъ новой вѣры проникалъ уже въ первые вѣка христіанской эры въ самые отдаленные углы славянства, и

укрѣпился окончательно на цѣломъ пространствѣ западныхъ славянскихъ земель въ IX столѣтіи, послѣ подвиговъ нашихъ славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Процвѣтавшія тогда на западныхъ рубежахъ двѣ славянскія державы, великоморавская и польская, нашли въ водворившейся новой вѣрѣ неизсякаемый источникъ новыхъ силъ, которыя способствовали успѣху ихъ могущества и процвѣтанія. Распространяемая не мечемъ, а теплымъ роднымъ словомъ, православная вѣра прививалась мирно, безъ потрясеній и кровопролитія, она не вызвала смутъ и междоусобій, а напротивъ подвигала впередъ дѣло упроченія и возмужанія народнаго организма. Вселенская православная церковь, не упуская изъ виду того, что всякая власть отъ Бога, была всегда далека отъ теократическихъ ухищреній папства: она не противопоставила государственной власти никакой другой посторонней, и не искала никогда собственной пользы въ противодѣйствіи начинаніямъ законныхъ повелителей. Но самая главная услуга, которую православная церковь оказала славянству, это—употребленіе его славянскаго языка въ письмѣ и словѣ. Православіе не только подготовило почву для умственнаго развитія многомилліонныхъ массъ, и такимъ образомъ совершило уже на первыхъ порахъ высокой культурный подвигъ, оно внушило также этимъ массамъ сознание племеннаго единства всего славянскаго міра, дало имъ возможность различить единокровнаго брата отъ чужаго посягателя на ихъ свободу. Въ виду того, не подлежитъ сомнѣнію, что если бы наши западные братья сумѣли и могли отстоять вѣру отцовъ своихъ, они достигли бы той степени могущества и величія, на которую воздвиглась могущественная, самодержавная Россія. Они не отстояли ея, и нѣкоторые изъ нихъ исчезли безслѣдно, другіе лежатъ въ изнеможеніи у ногъ своихъ покорителей.

Почти одновременно съ вступленіемъ на политическую арену Великой Моравіи и Польши возникло на западѣ могущественное германское государство, римская

имперіи Карла Великаго. Новый императоръ преслѣдовалъ одну цѣль: сплотить цѣлый западъ Европы въ одинъ политическій и церковный организмъ. И тутъ то онъ нашелъ вѣрнѣшаго союзника, римскую церковь, которая стремилась къ достиженію той же самой цѣли. Чтобы осуществить этотъ идеаль, слѣдовало прежде всего освободить римскую церковь отъ всякаго посторонняго вліянія, другими словами, оторгнуть ее отъ связи съ вселенской церковью и сдѣлать совершенно независимую отъ вселенскихъ соборовъ съ остальными четырьмя восточными патриархами. По ходатайству Карла Великаго, рѣшилъ Ахенскій соборъ 809 г. извѣстное прибавленіе „*filioque*“ къ Никейскому Символу вѣры, которое послѣдствіемъ послужило предлогомъ къ окончательному разрыву съ вселенской церковью. Обѣ союзныя стороны не ошиблись въ расчетахъ. Римскіе императоры нашли въ католичествѣ превосходное средство къ покоренію, обезличенію и германизации восточныхъ сосѣдей, римскіе папы сдѣлались самодержцами теократической церкви. Римъ, распространяя католицизмъ, обогащала имперію новыми добычами, императоры, расширяя свои владѣнія, увеличивали предѣлы папской власти.

У западнаго славянства не хватило силы и послѣдовательности къ успѣшной борьбѣ съ этой безпощадной системой. Чего не сдѣлали усиленная пропаганда и обѣщанія коронъ, которыми папство прельщало славянскихъ владѣтелей, это довершило насиліе. Чехія, Моравія и Польша были окатоличены совершенно, слѣды же Месодіевой дѣятельности уничтожены послѣ его смерти. Только русскіе жители склоновъ западной части Карпатъ, благодаря духовной и политической ихъ связи съ остальнымъ русскимъ міромъ, въ которомъ водворилось другимъ путемъ восточное христіанство, остались вѣрными вѣрѣ отцовъ; и только восточный стиль нѣкоторыхъ костеловъ, уцѣлѣвшая книга, икона или надпись свидѣтельствуютъ, что и въ Чехіи, Моравіи и Польшѣ соверша-

лось когда то славянское священнодѣйствіе!

Съ уничтоженіемъ славянскаго церковнаго строя западное славянство потеряло всякую возможность сопротивленія всепоглощающему германизму. Милліоны славянскихъ жителей канули въ ненасытное германское море: а на ихъ прародительской землѣ возникли нѣмецкія государства. Земля древнихъ чехо-моравянъ, Шлезкъ и княжества Освѣцимъ и Заторъ въ западной Галиціи считались нѣмецкой областью и были приписаны еще до недавнихъ временъ къ нѣмецкому союзу. Австрія употребляла чеховъ какъ орудіе для германизации своихъ славянскихъ провинцій. И все это было дѣломъ названной западнымъ славянству неславянской церкви. Въ XV столѣтіи Иванъ Гусъ и его послѣдователи, понявшіе истинную причину паденія отечества, пытались было воздвигнуть брошенное знамя народной чешской церкви. Но тогда было уже поздно. Мечъ и трескъ горящихъ костровъ заглушили это слабое эхо древнихъ преданій. А возрождающаяся въ наше время, на историческихъ національныхъ началахъ, Чехія принуждена вести безпрестанную борьбу не только съ нѣмцами, но и съ своими феодалами за все, что могли отстоять ея предки, если бы поневолѣ не измѣнили своей правой вѣрѣ. Но она приняла къ сердцу тяжелый урокъ исторіи, и ея воссоединеніе съ прародительской вселенской церковью становится вопросомъ, быть можетъ, недалекаго будущаго. Начало, слава Богу, уже сдѣлано.

Еще болѣе жалкое положеніе выпало на долю католической Польшѣ. Римская церковь, распространявшая вмѣсто тихаго свѣта Христовой вѣры крайній фанатизмъ, сдѣлала въ скоромъ времени пылкой, увлекающійся польскій народъ рабски послушнымъ орудіемъ въ своихъ хищныхъ рукахъ. Преданная всецѣло западнымъ идеямъ, Польша порвала всякую связь съ остальнымъ славянскимъ міромъ и, забывъ свѣтлую картину исторіи XV столѣтія, а именно—рѣшившее судьбу славянъ сраженіе подъ Грюнвальдомъ, стала разрушать

основы своего существованія. Находясь на краю гибели, она не переставала вѣрно служить виновникамъ своего паденія; даже въ самыя критическія для себя минуты преслѣдовала одну только цѣль: *окатомленіе православныхъ братьевъ*. Для Рима она пролила цѣлыя рѣки русской крови, чѣмъ нанесла себѣ смертельный ударъ. Она продолжаетъ и сегодня исполнять въ Червонной Руси жалкое дѣло іезуитскаго раба, а дѣлаетъ все это для того же Рима, который, въ благодарность за унижительныя услуги польскаго народа, отдаетъ нѣмцамъ древній престолъ примасовъ Польши, Гнѣзненско-Познанскую архіепископскую кафедру! Іезуиты, захватившіе въ свои руки всѣ нити умственного движенія древней Польши, пропитали польскій организмъ порчею до того, что огромное большинство даже нынѣшняго польскаго поколѣнія остается глухимъ на голосъ исторіи, и продолжаетъ дальше рыть могилу своему несчастному отечеству. Оно смотритъ почти равнодушно на уничтоженіе и окончательную германизацию прусской части Польши, и мечтаетъ только объ осуществленіи несбыточныхъ идеаловъ своего прошлаго, сложившагося подъ влияніемъ тѣхъ же враговъ іезуитовъ. Несмотря на то, что Пруссія первая и больше всѣхъ стремилась къ раздѣлу Польши и его осуществила, поляки питаютъ ненависть только къ православной, славянской Россіи, которая охраняетъ остатки польской земли отъ германскаго наводненія. А между тѣмъ германская стихія подвигается непрерывно впередъ, входитъ все глубже и глубже въ польскіе предѣлы. Куда дѣвалась великая Польша родина Пястовъ? Въ древнемъ центрѣ польскаго промысла Бретиславѣ, считающемъ 200,000 жителей, не услышишь уже польскаго слова, Познань ожидаетъ такая же судьба въ непродолжительномъ времени. Не пусты и для насъ русскіе слова: *Drang nach Osten*. Когда остановится этотъ систематическій походъ, гдѣ и чьею силой, одному Богу извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не остановить его разгромленные остатки польскаго народа.

Совершенно другую картину представляетъ исторія Червонной Руси, которая всегда крѣпко придерживалась національной вѣры отцовъ. Отторгнутая еще въ первой половинѣ XIV столѣтія отъ остальнаго русскаго міра, отдаленная больше всѣхъ русскіхъ земель отъ древнихъ и образовавшихся новыхъ центровъ русской жизни, поруганная и униженная добыча римско-польскаго фанатизма, Червонная Русь испытала всѣ бѣдствія безпощадной борьбы католичества съ православіемъ, западнаго міра съ восточнымъ, борьбы тѣмъ болѣе ужасной, что ея участниками являлись не чуждыя другъ другу племена, а сыны одной славянской матери. Благодаря православной церкви, Червонная Русь спасла свой національный характеръ въ этомъ водоворотѣ смутъ и тревоженій и предстала передъ возрождающимся славянствомъ съ чистою совѣстью и незапятнаннымъ русскимъ именемъ, готовою къ борьбѣ за свои завѣщанія права.

Во время присоединенія Червонной Руси Польша не потеряла еще характера славянской державы, который обнаружился особенно послѣ связи съ русскою Литвою. Мы упомянули уже о Грюнвальдѣ, служащемъ доказательствомъ, что тогдашняя Польша образовала еще сильный и надежный оплотъ противъ германскаго напора. Присоединенная къ ней червонно-русская область выдержала благополучно первое гоненіе православной церкви при Казимірѣ Великомъ и Ягеллонахъ и, имѣя въ православной, могучей Литвѣ крѣпкую опору, не сразу почувствовала гнетъ чужаго владычества. Находясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Цареградомъ, свободная отъ пагубнаго влияния средне-вѣковой тьмы Запада, съ ея инквизиціями и сожиганіемъ вѣдьмъ, тогдашняя Русь стояла гораздо выше въ національномъ и культурномъ отношеніяхъ, чѣмъ католическая Польша съ ея убійственной латынью. И неудивительно, что послѣдняя подчинялась постоянно русскому влиянію, которое усилилось особенно послѣ присоединенія русскаго великаго княжества Литовскаго. Русскіе нравы, русскій

языкъ приобрѣли полный перевѣсъ въ общественной и государственной жизни: официальнымъ языкомъ Польши до конца XVI столѣтія былъ и русскій. Польша переживала тогда, по выраженію самихъ же поляковъ, свой золотой вѣкъ, передъ нею разстлалась широкая дорога къ славѣ и могуществу. Но она не пошла по этой широкой дорогѣ, а направила свои шаги подъ предводительствомъ католическаго духовенства на извилистыя тропинки нетерпимости, которыя довели ее до края гибели.

Преобладаніе православнаго русскаго элемента и усиливающееся вслѣдствіе ненависти къ католицизму, особенно на Литвѣ, протестантское движеніе перепугали не на шутку поборниковъ католицизма. Послѣдніе предвидѣли, что Польша, на которую папство возлагало громадныя надежды присоединенія къ Риму цѣлаго Востока, можетъ ускользнуть изъ ихъ хищныхъ рукъ, и отчасти сдѣлаться протестантской, отчасти пожалуй даже возвратиться къ покинутымъ православнымъ началамъ. Для усиленія католической пропаганды, извѣстный кардиналъ Гозій, архіепископъ Вармійскій, призвалъ орденъ іезуитовъ, которые съ свойственною имъ хитростью начали дѣйствовать противъ православія въ двойномъ направленіи. Они старались прежде всего притянуть на свою сторону и сдѣлать своимъ оружіемъ знатное русское дворянство, съ тѣмъ, чтобы потомъ опозорить русскую церковь и національность и предать ихъ на всеобщее поруганіе. Хитрые дипломаты, они придумали самое лучшее средство для окатоличенія не только Червонной Руси, но и цѣлой русской Литвы, у которой Люблинская унія 1569 года отняла значительную часть самостоятельности. При помощи преданнаго католицизму польскаго правительства, имъ удалось въ невѣроятно скоромъ времени осуществить первую часть затѣяннаго дѣла. Гордое русское дворянство, прельщенное могуществомъ папскаго престола и стремившееся къ шумнымъ титуламъ, почестямъ и достоинствамъ, которыя раздавались систематически только католикамъ,

принимало безъ сопротивленія католичество и переходило въ іезуитскій лагерь. Захвативъ въ свои руки дѣло публичнаго воспитанія, послѣдовательные сыны Лойолы прививали безпрестанно ядъ въ сердцахъ молодаго поколѣнія измѣнниковъ православія. Чтобы возбудить презрѣніе къ православной вѣрѣ, которая нашла приютъ подъ соломенной кровлей и имѣла въ крестьянскомъ сословіи непоколебимыхъ защитниковъ, они питали умы своихъ воспитанниковъ разнаго рода баснями, въ родѣ той, что родоначальникомъ дворянскаго сословія былъ Іафетъ, а крестьянскаго Хамъ, что православная вѣра и русскій языкъ—это достояніе хамовъ-мужиковъ, которое приноситъ только позоръ благородному рыцарству. Не мудро, что голосъ и заботы сильнаго защитника православія князя Константина Острожскаго не имѣли успѣха, что русская церковь и русская народность нашли въ потомкахъ древнихъ русскихъ родовъ самыхъ яростныхъ гонителей и притѣснителей.

Но іезуиты не довольствовались этимъ успѣхомъ. Чтобы дать своему дѣлу прочное основаніе, они сочли необходимымъ окатоличить и ополячить совершенно входяція въ составъ Польши русскія земли и мечтали даже о подчиненіи папской власти Московскаго государства. Средствомъ къ достиженію этой цѣли должны были послужить съ одной стороны свирѣпыя гоненія и всевозможныя притѣсненія, съ другой—лесть и обманъ. И водворились смуты на цѣломъ пространствѣ русской земли.

(Окончаніе будетъ).

Церковныя школы въ 1888—1889 учебномъ году *).

VIII.

Архангельская епархія.

Архангельская губернія представляетъ собою громадную площадь въ 78, 586, 888 десятинъ съ православнымъ населе-

*) Продолженіе. См. № 44 „Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдом.“ за 1890 годъ.

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

№ 51

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 51

ЧТЕНІЕ

протоіерея Іоанна Наумовича, произнесенное 17-го октября сего года въ общемъ собраніи Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества *).

Въ Польшѣ православная русская церковь не пользовалась даже тою свободой, которой пользовались жидовскіе кагалы, русскій языкъ потерялъ право гражданства не только въ Червонной Руси, но въ концѣ XVI столѣтія даже и на Литвѣ. Но миллионы крестьянъ и малочисленное русское мѣщанство сохранили свято непоколебимую любовь и преданность къ праотеческой церкви и сами организовали свои силы для защиты вѣры отцовъ. Почти по всѣмъ большимъ городамъ основывались церковныя братства, съ главными центрами во Львовѣ и Вильнѣ, которыя воспитывали молодежь, издавали славянскія церковныя книги, наблюдали за чистотой восточнаго церковнаго обряда, и подлежа непосредственно власти Цареградскаго патріарха, образовали самый надежный оплотъ противъ католическихъ посягательствъ. Особенно важное значеніе въ защитѣ православія и восточнаго церковнаго строя имѣло Львовское ставропигіальное братство, которое продолжаетъ до сихъ поръ свою многополезную дѣятельность.

Гоненія и притѣсненія оказались плохимъ оружіемъ въ борьбѣ съ такимъ самоотверженіемъ и такою преданностью роднымъ началамъ. Тогда при-

нялись за другое, болѣе надежное оружіе, приступили къ лести и обману. Не теряющіе напрасно времени іезуиты, подъ предводительствомъ Поссевина и Петра Скарги, пустили въ ходъ новый проектъ церковной уніи, которая на словахъ обозначала только признаніе русской церковью главенства папы, при неприкосновенности славянскаго богослужебнаго языка, восточнаго обряда и восточныхъ церковныхъ законовъ, а на самомъ дѣлѣ должна была образовать мостъ для окончательнаго перехода упорствующихъ въ католичество. Этотъ проектъ нашелъ усерднаго защитника въ лицѣ жалкой памяти короля Сигизмунда III и нѣкоторыхъ доброжелателей между архіереями. На происходившемъ въ 1596 году Брестскомъ соборѣ всѣ православные литовско-русскіе епископы подчинились папской власти, не подписали уніи только епископы Львовскій и Перемышльскій. Только Червонная Русь устами своихъ двухъ владыкъ протестовала противъ какого бы то ни было вмѣшательства римскихъ папъ въ дѣла русской церкви. Но литовско-русская церковь была разбита на два враждебныхъ лагеря. Выступая въ защитѣ уніи, Польша не допускала никакихъ сношеній съ Цареградскимъ патріархомъ и подвергла православную церковь новымъ

*) Окончаніе. См. № 50 „Приб. къ Церк. Вѣд.“

жестокимъ гоненіямъ. Червоная Русь, лишенная всякой поддержки и защиты, не могла удержаться при знамени православія: въ 1700 году приняли унию Львовскій и Перемышльскій епископы, въ 1708 году сдалась и послѣдняя крѣпость православія—Львовская ставропигія.

Православные, жившіе въѣд предѣловъ Польши, называли униатовъ измѣнниками; кличка эта преслѣдуетъ послѣднихъ и въ наше время. Но она несомнѣно правительна. Мнимымъ измѣнникамъ не оставалось ничего болѣе, какъ только погибнуть безслѣдно въ неравной борьбѣ, или же примириться съ необходимостью спасать изъ праотческаго достоянія то, что можно было еще спасти, и крѣпить падающія силы, въ ожиданіи лучшаго будущаго. Избравъ второй путь, униаты оказали услугу русскому дѣлу, такъ какъ они спасли окраины русской земли отъ окончательнаго окатоличенія и ополяченія. Дальнѣйшая исторія Червоной Руси доказываетъ наглядно, что время навязанной ей униіи не поколебало ея единовѣрія съ остальнымъ русскимъ міромъ, что оно было только временемъ отдыха послѣ жестокихъ гоненій. Чтобы облегчить свои страданія, униаты позволили построить мостъ къ переходу въ католичество, но все-таки не перешли на латинскій берегъ, а напротивъ, съ освобожденіемъ отъ іезуитскаго гнета, возвращаются толпами на лоно православной церкви.

Первымъ плодомъ іезуитской униіи были казацкія смуты, которыя разрушили основы политическаго быта Польши. Эта ожесточенная борьба за вѣру и народность не прошла безслѣдно и для Червоной Руси. Богданъ Хмельницкій и воссоединеніе Малороссіи, съ одной стороны, указали угнетеннымъ на единственный якорь спасенія, съ другой—заставили Польшу преслѣдовать не только русскую церковь, но вообще все, что носило русскій отпечатокъ и могло возобновить порванныя связи съ остальнымъ русскимъ міромъ. Червоная Русь пала въ совершенномъ изнеможеніи и не давала никакихъ признаковъ жизни. Только обезображенный унией, несмотря на цаскія

буллы о неприкосновенности русскаго обряда, восточный церковный строй свѣдѣтельствовалъ о минувшемъ прошломъ. *Этимъ остаткамъ въру отцовъ суждено было послужить основаніемъ для народнаго возрожденія Червоной Руси.*

Польша пала отъ собственнаго оружія, и Червоная Русь сдѣлалась въ 1772 году провинціей Австрійской имперіи. Тогдашняя Австрія, которая старалась придать всемъ своимъ провинціямъ одинъ общій нѣмецкій отпечатокъ, сообразила сразу, что русскій элементъ въ Галиціи можетъ сослужить хорошую службу ея политикѣ, парализируя стремленія поляковъ къ самостоятельности. Она не видѣла никакой опасности ни въ единоплеменности, ни въ сознаніи литературнаго единства Червоной Руси съ остальнымъ русскимъ цѣлымъ, и не отнимала у червонороссовъ ихъ историческаго названія „Russen“. Червоная Русь почувствовала не только дуновение свободы, но и протянутую ей руку помощи новаго правительства. Съ цѣлью поднятія русской народности, австрійское правительство позаботилось прежде всего о повышеніи уровня образованности у русскаго духовенства. Оно основало уже въ 1782 г. во Львовѣ русскую генеральную семинарію, а въ 1785 г. духовную семинарію для 12 русскихъ воспитанниковъ въ Вѣнѣ. Въ 1787 г. оно учредило при Львовскомъ университетѣ отдѣльный богословскій факультетъ, въ которомъ преподавались всѣ богословскіе предметы на церковно-русскомъ языкѣ. Эти реформы въ пользу русской народности довершилъ школьный законъ Іосифа II, въ силу котораго должны были открываться приходскія училища съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ. Принявъ еще во вниманіе, что Австрія облегчила и упорядочила отношенія крѣпостной зависимости крестьянъ и обезпечила матеріальное благосостояніе русскаго духовенства основаніемъ громаднаго фонда изъ имѣній множества закрытыхъ католическихъ монастырей, можемъ утверждать положительно, что Червоная Русь находилась тогда въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ и могла легко подняться. Но паде-

ніе ея при Польшѣ было слишкомъ тяжело, польско-іезуитская порча всосалась слишкомъ глубоко въ народный русскій организмъ. Въ этотъ періодъ нашлся въ Червонной Руси только одинъ мужъ, Львовскій епископъ Петръ Бѣлинскій, который понималъ важность минуты и заботился всѣми силами о поднятіи русской церкви и народности въ Галиціи. Но остальное русское общество стало относиться вполнѣ равнодушно, пожалуй, даже съ нерадѣніемъ къ этимъ начинаніямъ — до того, что въ 1808 г. прекратилось совершенно русское преподаваніе на богословскомъ факультетѣ, а уніатская церковь и общественная жизнь Червонной Руси приняли еще болѣе народно-польскій характеръ. Это явленіе обуславливалось главнымъ образомъ тѣмъ, что образованные слои русскаго общества не находили пока нигдѣ духовной пищи, которая могла бы развить и поддерживать въ нихъ забытыя народныя русскія начала. Съ другой стороны, тогдашнее положеніе поляковъ, которые потеряли уже власть и независимость и объявляли себя поборниками свободы и братства, представляло большую притягательную силу въ эпоху романтизма въ политикѣ, литературѣ и общественной жизни. Неудивительно, что идеалы польскихъ легионовъ временъ Наполеона I плѣнили сердца большей части тогдашней галицко-русской интеллигенціи, которая не знала совершенно русскаго прошлаго и которой не было известно о прежнихъ дѣлахъ „поборниковъ свободы“, и что она сама споспѣшествовала такимъ образомъ дѣлу ополиченія своей родины.

Послѣ Вѣнскаго конгресса 1815 г., на которомъ обнаружился въ первый разъ антагонизмъ между Австріей и Россіей, по поводу притязаній обѣихъ державъ на важный стратегическій четырехугольникъ между Бугомъ и Средней Вислой, доставшійся при третьемъ раздѣлѣ Польши Австріи, а послѣ князю Варшавскому, австрійское правительство перемѣнило свою политику по отношенію къ Червонной Руси: благорасположеніе уступило мѣсто подозрительности. Правительство Вѣн-

скія сферы носились съ мыслью освободиться совершенно отъ опаснаго элемента, связаннаго съ Россіей узами единоплеменности, и отнять у Червонной Руси всѣ условія самостоятельнаго быта. Чтобы отвратить грозящую опасность, преданный русскому дѣлу митрополитъ Левицкій старался увѣрить австрійское правительство, что опасенія его напрасны, такъ какъ Червонная Русь въ народномъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ Россіей и составляетъ сама по себѣ отдѣльную націю. Это крайнее средство, оправданное утилитарною цѣлью, отвратило рѣзкія мѣры для подавленія всякаго народнаго движенія въ Червонной Руси. Но прежнее благорасположеніе правительства не вернулось, а шагъ митрополита Левицкаго имѣлъ самыя пагубныя послѣдствія. Австрійское правительство стало придерживаться принципа, что народное движеніе Червонной Руси должно ограничиваться политическими границами Австріи, что всякое сообщеніе съ закордонной Русью — уже не русское, а „великороссійское“ движеніе. Названіе „Russen“ считалось уже невѣрнымъ и лишеннымъ всякаго основанія, о немъ никто не смѣлъ и упоминать, а его мѣсто заняло выраженіе „Ruthenen“. Впослѣдствіи выдумалъ польскій повинистъ Духинскій названіе „русинъ“ и прилагательное „русинскій“, и это чужое и чудовищное для галичанъ и въ высшей степени неграмматическое прилагательное приняли поляки съ восторгомъ для насмѣшки.

Всякому станетъ понятно, какую преграду воздвигла эта система для народнаго развитія Червонной Руси. Отказаться отъ связи съ русскимъ міромъ значило окончательно прекратить дѣло народнаго возрожденія, перемѣна историческаго названія равнялась совершенному разрыву съ тысячелѣтнимъ прошлымъ. Червонная Русь дорожить своимъ единствомъ съ великой Россіей, она въ минуты испытаній ищетъ отрады именно въ этомъ единствѣ, но, несмотря на это, ненавистная ей кличка „русинъ“ и „русинскій“ преслѣдуетъ ее до сихъ поръ даже въ предѣлахъ единокровной Россіи, въ перворазрядныхъ даже органахъ печати!...

Но возвратимся къ времени до 1848 г. Неудивительно, что подъ тѣжелымъ гнетомъ этой системы уметвенное движеніе Червонной Руси ограничилось изданными Иваномъ Могильницкимъ катихизисомъ, букваремъ и нѣсколькими руководствами для приходскихъ училищъ и незначительными стихотвореніями, лишенными всякой литературной цѣнности. Этотъ полный литературный застой продолжается до времени, пока въ генеральной семинаріи во Львовѣ, подъ влияніемъ идей Шафарика, Коляра и другихъ славянскихъ, особенно чешскихъ писателей, въ тридцатыхъ годахъ не образовался кружокъ молодыхъ людей, которые увлекались любовью къ роднымъ началамъ и, не довольствуясь общепринятымъ официальнымъ шаблономъ, принялись усердно за трудъ на нивѣ народнаго возрожденія. Этотъ кружокъ составляли будущіе видные дѣятели: братья Яковъ, Иванъ и Петръ Головацкіе, Николай Устѣпановичъ, Антоній Могильницкій, Марціанъ Шапкевичъ, Иванъ Вагилевичъ, Лука Данкевичъ, Рудольфъ Мохъ и многіе другіе. Кромѣ двухъ—Ивана Головацкаго и Рудольфа Моха, всѣ уже покойники. Хотя ихъ литературныя попытки, полныя идей о славянской взаимности и славянскомъ братствѣ, преслѣдовались строгой цензурой, а книжечка „Русалка Днѣстровая“ должна была искать прибіжища въ свободной печати Венгрии, имъ всетаки удалось разбить окружающую тьму и разбудить спящее червонно-русское общество. Одновременно съ этимъ движеніемъ въ средѣ молодыхъ воспитанниковъ Львовской духовной семинаріи, Перемышльскій епископъ Іоаннъ Снѣгурскій принялся за реформу церковныхъ отношеній въ русско-народномъ духѣ, и вмѣстѣ съ неутомимымъ своимъ сподвижникомъ священникомъ Антоніемъ Добрянскимъ, издателемъ первой церковно-славянской грамматики, проложилъ путь къ очищенію испорченнаго червонно-рускаго церковнаго обряда и восстановленію авторитета червонно-русской церкви. Этимъ дѣятелямъ мы обязаны тѣмъ, что когда въ 1848 году всѣ входящіе въ составъ Австрійской имперіи народы собра-

лись подъ своими знаменами для защиты своихъ правъ и жизненныхъ интересовъ, помѣстилась въ ихъ ряду и готовая уже къ борьбѣ Червонная Русь, а съ нею и закарпатская или венгерская, подъ предводительствомъ Духновича, Раковскаго и въ особенности Адольфа Ив. Добрянскаго. Въ этотъ важный моментъ предстояло Червонной Руси рѣшеніе народнаго вопроса, а именно точное опредѣленіе ея положенія въ отношеніи къ остальному русскому и славянскому міру. Эта задача превышала силы юныхъ поборниковъ народнаго возрожденія. Средоточіемъ тогдашняго народнаго движенія Червонной Руси была Львовская духовная консисторія, при соборѣ святаго Юрія (оттуда названіе—святоюрцы), въ которой засѣдали преданные русскому дѣлу: епископъ Григорій Яхимовичъ, протоіереи Куземскій и Лотоцкій и профессора Геровскій и Венедиктъ Левицкій и, наконецъ, неутомимый ученый Михаилъ Малиновскій. Преданные австрійскому правительству, помощь котораго казалась имъ необходимою въ борьбѣ съ враждебными стихіями, мало знающіе Россію, которая, съ своей стороны, считала Галицію польскою или, пожалуй, даже нѣмецкою областью, они, руководствуясь опять утилитаризмомъ, должны были сдѣлать ошибку, которая задерживаетъ до сихъ поръ успѣшное развитіе русской народности въ Галиціи. Первый политическій органъ Червонной Руси „Головная русская Рада“ во Львовѣ, въ которой верховодили упомянутые мужи, не отважился идти въ разрѣзъ съ официальной системой и объявилъ Червонную Русь отдѣльнымъ отъ великой Россіи четырехмилліоннымъ народомъ, заселяющимъ Галицію, Буковину и сѣверо-восточную Венгрію. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить силы въ единеніи съ остальнымъ русскимъ цѣлымъ, онъ воздвигъ новую преграду для общенія съ закордонной Русью. Только одинъ человекъ поднялъ всенародно знамя національнаго единства съ Россіей. Человекомъ этимъ былъ Денисъ Зубрицкій, знаменитый исторіографъ, авторъ перваго крупнаго историческаго

труда на общерусскомъ языкѣ: „Исторія древняго Галицко-Русскаго княжества“. Хотя программа „Головной русской Рады“ служила основаніемъ цѣлому народному движенію того времени, но мысль Дениса Зубрицкаго пріобрѣтала все болѣе и болѣе широкій кругъ тайныхъ и открытыхъ послѣдователей; рядомъ съ нимъ трудился и другой ученый историкъ филологъ Антоній Петрушевичъ и цѣлая плеяда другихъ скромныхъ труженниковъ.

1848 годъ открываетъ важную эпоху въ развитіи Червонной Руси. Обладая довольно крѣпкимъ чувствомъ народнаго самосознанія, она сумѣла уже воспользоваться признаніемъ за нею полнымъ правоуравненіемъ. Она осуществила мысль священника Льва Трещакоскаго и соорудила на свои собственныя лепты громаднѣйшій „Народный Домъ“ во Львовѣ, который образовалъ новое средоточіе ея умственного и народнаго движенія. Галицко-русское нарѣчіе, принятое въ учебныхъ заведеніяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, и учрежденная при Львовскомъ университетѣ кафедра русской литературы съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ подвигали впередъ дѣло народнаго возрожденія Червонной Руси, которая могла уже похвалиться значительными успѣхами. На литературномъ поприщѣ развили широкую дѣятельность Богданъ Дѣдичкій первый редакторъ „Слова“. Онъ отстаивалъ мужественно русскую азбуку въ галицко-русской литературѣ, которую австрійское правительство, по предложенію Іержечка и графа Голуховскаго, пыталось въ 1860 году замѣнить чешскою. Созванная по этому дѣлу комиссія русскихъ представителей опротестовала единогласно этотъ возмутительный проектъ. Въ области церковной дѣлалось замѣтнымъ сильное движеніе, стремящееся къ очищенію восточнаго обряда отъ римской порчи, подвижниками котораго явились Михаилъ Малиновскій, Маркелль Попель и другіе. Все духовенство, за исключеніемъ немногихъ полякующихъ, сочувствовало этому движенію. Но движеніе было подавлено въ зародкѣхъ, такъ какъ поляки выдвинули пугало „шизмы“,

котораго устрашилось австрійское правительство, а внезапная смерть тайно сочувствовавшаго этому движенію митрополита Григорія Яхимовича наступила какъ разъ въ то время, когда онъ намѣревался созвать синодъ.

Съ 1860 года произошла большая перемѣна въ дальнѣйшей судьбѣ Червонной Руси. Послѣ диплома отъ 20 октября 1860 года самодержавная Австрія уступила мѣсто Австріи конституціонной, и вторая начала разрушать многое, что создала первая. Съ перемѣной формы правленія Червонная Русь потеряла свое правоуравненіе. Конституціонная свобода принесла пользу только сильнымъ національностямъ, имѣющимъ всѣ условія политическаго быта и большинство голосовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Галицкая Русь, лишенная аристократіи и средняго сословія, приговоренная на постоянное меньшинство въ Львовскомъ сеймѣ, подверглась произволу господствующаго полонизма и католицизма.

1860 годъ памятенъ еще и тѣмъ, что именно въ это время Червонная Русь раздѣлилась на два враждебно относящіяся другъ къ другу лагеря: консервативный, придерживающійся историческихъ началъ, и украинофильскій. Положеніе Галицкой Руси было тогда неспредѣленное. Для просвѣщенія массы народа нуженъ былъ языкъ, ему понятный, книжнаго же литературнаго языка ни народъ, ни интеллигенція его никогда не слышали, развѣ случайно и изрѣдка у профессорскихъ русскихъ туристовъ, въ школахъ же его не было и нѣтъ. Только въ шестидесятыхъ годахъ Червонная Русь начала знакомиться съ умственнымъ движеніемъ современной Россіи. Она принимала оттуда прежде всего то, что было для нея ближе и понятнѣе: народная малороссійская литература пріобрѣла въ Галиціи сразу многихъ любителей, пока галицкіе русскіе познакомились съ сокровищами настоящей русской литературы. Галицкіе поклонники украинской малороссійской литературы увлеклись прежде всего отъѣнками поэзи Шевченка, которыя служатъ не идеѣ на-

ціональности, а самому крайнему пессимизму. Они увлеклись тѣми „виршами“ геціального поэта, въ которыхъ напрасно бы мы искали выраженія „Русь“, они преклонились передъ тѣмъ Шевченкомъ, который зналъ только Украину, а не зналъ ни Волыни, ни Подолія и ни словомъ не упомянулъ о древнемъ Галичѣ съ такимъ сердечнымъ чувствомъ, какъ великорусскій поэтъ Хомяковъ. Но галицкіе поклонники Котляревскаго, Квитки и Шевченка не были знакомы съ отношеніями закордонной русской жизни настолько, чтобы понять истинное значеніе малороссійской литературы и уразумѣть разныя идеи, которыми руководились ея представители. Они не знали, что малороссійское движеніе имѣло свое начало въ общерусской умственной жизни и обуславливалось охватившимъ русскіе умы стремленіемъ къ ознакомленію русскаго общества съ жизнью, бытомъ и нуждами простаго народа и къ обогащенію литературнаго языка сокровищами народной рѣчи. Наши кандидаты украинофильства не знали, что малороссійская литература обязана только Россіи своимъ существованіемъ, а, напротивъ того, считали ее антитезою великорусской литературы, реакціей противъ обрусенія южнаго края. Это ложное воззрѣніе должно было непременно привести къ ложнымъ заключеніямъ. Галицкіе украинофилы, подражая нѣкоторымъ русскимъ украинофиламъ, начали считать, что первый долгъ патриота малоросса — избѣгать систематически всего, что носитъ общерусскій отпечатокъ, провозглашать прежде всего языковую и культурную самостоятельность малорусскаго племени. Я не преувеличу, сказавъ, что каждый галицкій украинофилъ имѣетъ свой отдѣльный языкъ съ своимъ методомъ правописанія. Онъ наблюдаетъ всѣ явленія черезъ очки малороссійской самостоятельности и забываетъ совершенно, что такіе вопросы рѣшаются народными массами на ихъ историческомъ пути, а не отдѣльными личностями и апіористическимъ методомъ противъ воли народа. Какъ не мыслимо, чтобы въ

Германіи любители какого нибудь нарѣчія, а есть ихъ нѣсколько, могли мечтать о литературной самостоятельности, напр., нарѣчія Plattdeutsch, имѣющаго довольно богатую литературу и такихъ видныхъ поэтовъ, какъ Фрицъ Рейтеръ, Клаусъ Гротъ и др., какъ не можетъ никакой любитель французскаго провансальскаго patois (патуа) мечтать о самостоятельномъ университетѣ въ Марсели, такъ наши малороссійскія нарѣчія останутся всегда только нарѣчіями для домашняго обихода сельскаго народа, но никакъ не для науки. И мы видимъ примѣры у другихъ народовъ и на югѣ Россіи, что съ расширеніемъ грамотности книжный языкъ проникаетъ и подъ сельскую кровлю. Это подтверждается фактомъ, что до сихъ поръ нѣтъ еще ни общемалороссійской грамматики, ни словаря, и едвали найдутся охотники къ такому малополезному труду. Могу положительно сказать, что я не слышалъ въ Галиціи ни одного украинофила, говорящаго поукраински. Это впрочемъ не удивительно, такъ какъ образованный малороссъ Кіевской или Полтавской губерніи не въ состояніи говорить на гуцульскомъ или лемковскомъ нарѣчіяхъ. Если уже всѣ славяне признаютъ русскій языкъ общимъ для взаимныхъ сношеній, тѣмъ болѣе долженъ онъ быть такимъ общимъ языкомъ для всѣхъ русскихъ въ мірѣ. Нѣтъ, никогда не будемъ мы малороссы вмѣсто: „почтенное собраніе“ говорить „поважанное зібранье“, вмѣсто „дѣятельность“ — „діяльність“, вмѣсто „содержаніе“ — „грясть“ или „змість“, вмѣсто „слушатель“ — „слухачь“, „читатель“ — „читачь“, вмѣсто „ученикъ“ — „учень“ прямо изъ польскаго и пр.

Первою жертвою этого ложнаго воззрѣнія на самостоятельность малороссійскаго нарѣчія палъ въ Галиціи русскій языкъ, который обезображивается до смѣшнаго галицкими украинофилами. Чтобы не измѣнить принципу самостоятельности, они не только избѣгаютъ тщательно каждаго слова, которое носитъ обще-русскій отпечатокъ, но обезображиваютъ его разными макаронизмами и новозобрѣтенными вы-

раженіями и, имѣя очень слабое понятіе о настоящемъ украинскомъ нарѣчій, употребляютъ въ своихъ сочиненіяхъ что-то не совсѣмъ похожее на малорусскую рѣчь, отъ чего Когляревскій, Квитка и Шевченко задрожали бы въ могилахъ!

Между поляками возникла мысль воспользоваться этимъ ненормальнымъ настроеніемъ одной части червонно-русской интеллигенціи, увлекаемой красотой поэзіи Шевченка. Они сознавали, что сдѣлаются гегемонами Галиціи при конституціонной формѣ правленія и старались приблизить къ себѣ новообразовавшуюся партію, чтобы съ ея помощью парализовать народное движеніе Червонной Руси и сбить ее съ пути, ведущаго къ литературному единенію съ остальнымъ русскимъ цѣлымъ. Поляки отчасти достигли своей цѣли. Горсть галицкихъ українофиловъ осуществляютъ безсознательно возложенныя на нее надежды, несмотря на то, что сердца ея полны неподрѣлимой вражды къ исконнымъ притѣснителямъ всего русскаго, въ какой бы оно ни было формѣ.

Судьба українофильской партіи связана тѣсно съ судьбою польскаго владычества въ Галиціи, въ интересѣ котораго лежитъ существованіе разлагающаго русскаго элемента, и девизъ котораго гласитъ: *Divide et impera*. Какимъ искусственнымъ образомъ поддерживается малорусскій сепаратизмъ въ Галиціи, доказываетъ фактъ, что австрійское правительство требуетъ отъ профессоровъ русской литературы Львовскаго и Черновецкаго университетовъ, при ихъ назначеніи на должность формальнаго обѣщанія, что, несмотря на результаты научныхъ изслѣдованій, они будутъ отстаивать въ своихъ лекціяхъ самостоятельность малорусскаго языка и литературы. Между народомъ партія эта не находитъ условій къ существованію. Червоннорусскій простой народъ, видя порчу языка въ школахъ и не имѣя возможности познакомиться съ русскимъ языкомъ, дорожитъ достояніемъ отцовъ своихъ и считаетъ церковно-русскій языкъ верхомъ совершенства; противъ українофильства въ школахъ протестуетъ онъ на народныхъ вѣчахъ и собраніяхъ. Съ дру-

гой стороны, онъ слишкомъ положителенъ, чтобы терять понапрасну силы на защиту абстрактнаго понятія самостоятельности. Не удивительно, что всѣ попытки українофиловъ привлечь на свою сторону простой народъ остаются напрасными.

Но українофильская партія сослужила и хорошую службу русскому дѣлу: она заставила Червонную Русь опредѣлить ясно свое національное положеніе. Вѣрныя историческимъ началамъ сыны Червонной Руси, видя усиливающееся смѣшеніе основныхъ понятій и не надѣясь уже на великодушную поддержку австрійскаго правительства, которое все болѣе и болѣе открыто становилось на польскую сторону, подняли въ 1866 году, подъ предводительствомъ Якова Головацкаго и Богдана Дѣдицкаго, всенародно знамя племеннаго и литературнаго единства Червонной Руси съ великой Россіей и защищаютъ это знамя до сихъ поръ явно и открыто, несмотря на послѣдовавшія гоненія и притѣсненія со стороны польскихъ олигарховъ и конституціоннаго правительства.

Я сказалъ уже, что съ переменною системою правленія въ Австріи началась для Червонной Руси новая эра тяжелыхъ испытаній. Уже избирательными статутами обѣихъ конституцій, февральской и декабрьской, Червонная Русь приговорена на такое меньшинство голосовъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, что о законной защитѣ пріобрѣтенныхъ ею правъ и рѣчи быть не можетъ. Такъ называемые „тирольцы востока“, проливавшіе свою русскую кровь за чуждую имъ по духу Австрію, представляютъ теперь въ рукахъ конституціоннаго австрійскаго правительства цѣнный предметъ, за который можно купить поддержку могущественныхъ партій парламента. Уже въ началѣ конституціонной эры австрійское правительство нуждалось въ голосахъ польскихъ депутатовъ для успѣшнаго рѣшенія ежегоднаго бюджета. И оно не стѣснялось написать на своемъ знамени девизъ „*do ut des*“ и предложило безцеремонно польскимъ депутатамъ такую сдѣлку: дайте намъ ваши голоса, а мы отда-

димъ вамъ Червонную Русь. Сдѣлка осуществилась, правительство добилось ежегоднаго рѣшенія бюджета, польскіе шовинисты получили разрѣшеніе безапелляционно окатоличивать и ополячивать русскую страну. Это фактъ, въ истинѣ котораго я убѣдился во время моей дѣятельности, какъ членъ Вѣнскаго парламента и Львовскаго сейма. Да, австрійское правительство отдало въ рабство миллионы ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ, всегда вѣрно стоявшихъ при немъ и грудью своею защищавшихъ престолъ и династію Габсбурговъ.

Червонная Русь не долго ждала послѣдствій этой сдѣлки. Русскій языкъ былъ изгнанъ изъ школы, только въ народныхъ училищахъ навязано нѣчто въ родѣ украинской рѣчи. Онъ изгнанъ изъ присутственныхъ мѣстъ и замѣненъ вездѣ официальнымъ польскимъ, русская церковь отдана на произволь и поруганіе іезуитамъ, исконнымъ ея притѣснителямъ. Червонная Русь лишена даже возможности жаловаться на испытываемыя ею гоненія, такъ какъ всѣ ея жалобы бросаются безцеремонно въ ящикъ, она не можетъ просить защиты у престола, такъ какъ престолъ безсилень, какъ и она безсилна. Вотъ вѣрный образъ конституціонной свободы, образъ державнаго строя, выработаннаго культурой Запада, съ его вопіющими злоупотребленіями.

Червонная Русь въ переживаемыя ею минуты тяжелыхъ испытаній находитъ единственную отраду въ любви, оказываемой ей единокровною и единовѣрною Россіей. Россія, этотъ очагъ духовнаго единенія великой славянской семьи, знаетъ о нуждахъ и страданіяхъ червонно-русской своей братіи, она зоветъ ее давно устами своего поэта Хомякова, видѣвшаго въ Кіевѣ паломниковъ изъ всѣхъ и самыхъ дальнихъ странъ Россіи, а не видѣвшаго вмѣстѣ съ ними сыновъ древняго Галича:

„Галичь, гдѣ твои сыны?
Горе, горе, ихъ спалили
Польши дикіе костры;
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.
Мечъ и лезть, обманъ и пламя

Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.
Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.
И отторженныя дѣти,
Лишь услышать твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,
Снова, какъ во время оно,
Успокойтсѣ придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ,
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.

Поэтъ Хомяковъ предвидѣлъ, что придетъ время паденія униі съ римскимъ знаменемъ и успокоенія духовнаго всѣхъ русскихъ на лонѣ православной церкви. Нынѣшняя судьба Червонной Руси незавидная, и едвали можетъ быть хуже ея въ національно-церковномъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Удивительно ли послѣ этого, что сыны Червонной Руси питаютъ въ каждой каплѣ крови глубокую ненависть къ злоупотребленіямъ австрійской конституціи, къ коварствамъ ея партій, къ лести и обманомъ? Удивительно ли, что они стремятся всѣми силами къ радикальной перемѣнѣ своего положенія? Удивительно ли, наконецъ, что они, падающія подъ бременемъ тяжелыхъ испытаній, чада великой Руси, предпочитаютъ свои народныя начала конституціонному произволу, что они откликаются на родной зовъ моленья и любви и идутъ успокоить наболѣвшую душу на святомъ лонѣ матери? Преступны ли они во всѣхъ этихъ невольныхъ влеченіяхъ?

Безпристрастный наблюдатель увидитъ тутъ только естественное стремленіе къ самосохраненію и скажетъ: нѣтъ, не преступны; австрійскіе олигархи, къ сожалѣнію братскаго славянскаго племени, видятъ въ этомъ государственную измѣну и переполняютъ галичскія тюрьмы несчастными политическими узниками. Но народный духъ сильнѣе олигарховъ. Ни тюрьма, ни другія притѣсненія не воспри-

пятствуютъ Червонной, Буковинской и Венгерской Руси соединиться духомъ съ остальнымъ русскимъ міромъ и зажечь съ нимъ одною духовною жизнью.

Я скажу больше: Червонная Русь будетъ отмщена христіанской местию: добромъ за зло. Придетъ время, когда удѣлѣвшіе отъ германскаго наводненія по-

томки нынѣшнихъ поляковъ не добромъ помянутъ память отцовъ своихъ, опозорившихъ ихъ славянское имя, погубившихъ польское отечество и лишившихъ ихъ пріюта. Тогда они придутъ успокоиться на святое лоно славянской матери, которая съ радостью встрѣтитъ заблудшихъ чадъ своихъ.

Церковныя школы въ 1888—1889 учебномъ году *).

IX.

Астраханская, Оренбургская и Ставропольская епархіи.

Этими епархіями заканчивается не земская полоса Россіи, о которой до сихъ поръ шла рѣчь. Пользуясь каждая десятью тысячами ежегоднаго пособія изъ суммъ мѣстнаго губернскаго сбора на церковныя школы, епархіи эти были поставлены въ лучшія условія сравнительно съ губерніями земскими. По числу школъ, учащихся и средствъ содержанія, между отчетнымъ 1888—1889 и предыдущимъ 1887—1888 замѣчается слѣдующее отношеніе:

Е П А Р Х І И:	Число учащихся 1887—88 1888—89	школъ	средствъ	содержанія
Оренбургская . .	3954—4775	132—156	11,100 р.	15,272 р. 27 в.
Астраханская . .	3577—3823	114—129	28,223 „	22,576 „ 16 „
Ставропольская . .	3437—4469	131—182	16,916 „	7,319 „ 43 „

Въ отчетномъ году Ставропольская епархія занимаетъ второе мѣсто по числу школъ и учащихся, несмотря на то, что расходъ по сравненію съ предыдущимъ годомъ показанъ вдвое меньше. Болѣе четырехъ тысячъ показано въ остаткѣ, хотя вообще графа „остатковъ“ вызываетъ невольное удивленіе, когда читаешь въ отчетѣ о разнаго рода вопіющихъ школьныхъ нуждахъ. По благоустройству и количеству школъ въ губернскомъ городѣ, Астрахань занимаетъ первое мѣсто не только въ ряду своихъ сосѣдей, но и многихъ большихъ университетскихъ городовъ. Много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи для Астрахани нынѣшній преосвященный Ставропольскій—Евгеній, бывшій Астраханскій. Надо надѣяться, что и Ставрополь губернской украсится такими же прекрасными церковными школами, какъ и Астрахань. Въ Ставропольской епархіи встрѣчаемъ и болѣе правильное

отношеніе между школами церковно-приходскими и грамоты: въ ней на 74 школы перваго типа приходится 108 школъ грамоты, тогда какъ въ Астраханской и Оренбургской епархіяхъ число церковно-приходскихъ школъ (96 и 112) почти вдвое превышаетъ школы грамоты (33 и 44). Полезно было бы въ послѣднихъ двухъ епархіяхъ обратить самое серьезное вниманіе на развитіе болѣе или менѣе правильно устроенныхъ школъ грамоты, учредивъ одну или двѣ двухклассныхъ школы съ учительскимъ курсомъ для приготовленія учителей въ школы грамоты. Когда на важную церковно-приходскую школу будетъ приходится отъ 2—4 школъ грамоты, тогда между обоими разрядами церковныхъ школъ установится правильное отношеніе. Церковная школа повсемѣстно оказываетъ благотворное вліяніе на населеніе. Такъ, по словамъ Астраханскаго отчета, окончившіе курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ болѣею частію первыми являються въ храмъ Божій къ богослуженію. Были при-

*) Продолженіе. См. № 50 „Прибавл. къ Церковнымъ Вѣдом.“ за 1890 годъ.